

Олег Овчинников

День Барсука

Олег Вячеславович Овчинников

День Барсука

Текст предоставлен автором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184120

Овчинников О. Семь грехов / сборник: Азбука-классика; Москва; 2004

ISBN 5-352-00808-8

Аннотация

«– Садитесь поудобнее, сейчас вам будет вкусно, – пообещал чопорный метрдотель кому-то за соседним столиком. – Почему-то считается, что для поддержания физического здоровья человеку необходимо хотя бы раз в день съесть горячее, причем сделать это предпочтительнее всего в обед, в то время как во Франции, например...»

Олег Овчинников

День Барсука

1.

– Садитесь поудобнее, сейчас вам будет вкусно, – пообещал чопорный метрдотель кому-то за соседним столиком. – Почему-то считается, что для поддержания физического здоровья человеку необходимо хотя бы раз в день съесть горячее, причем сделать это предпочтительнее всего в обед, в то время как во Франции, например...

Лариса уловила начало сентенции краем оттянутого крупной сережкой уха, но пропустила ответ.

Ой, нет, думала она в этот момент. Только не Ленечка Барсуков!

С его пальцами! Такими толстыми, такими... бзззз!.. беспокойными. Мерзкие мурашки устраивают эстафету по ее спине всякий раз, когда эти пальцы пытаются тронуть ее за локоть, погладить по запястью, а то и задумчиво потрепать по коленке, пока их обладатель собирается с мыслями, прежде чем разродиться неуклюжим комплиментом: «Лара, ты не расхитительница гробниц. Ты разбивательница сердец!» Вдобавок кончики пальцев у него постоянно липкие, как будто он только что протер ими свои масляные глазки и

не успел еще вытереть об штаны.

А этот нелепый рюкзачок цвета хаки у него за спиной, под мышкой или в каком-нибудь более экзотическом месте, похожий на компактный блуждающий горб! В данный момент горб временно ампутирован, он возвышается неуместной болотной кочкой на белой скатерти стола. Ленечка заказал его наложенным платежом, купившись на рекламу в каком-то бульварном таблоиде из разряда тех, что не желтеют, даже если прополоскать их в яичном шампуне. «Настоящий рюкзак американского десантника, 112 карманов и 24 зиппера!»

«Только ветру и письмам от женщин было место в моем рюкзаке...» Так начиналось одно из стихотворений в том сборнике, который он пытался презентовать ей на 8-е марта под видом первого тома избранных стихов Леонида Барсукова. На самом деле книга откровенно пахла самиздатом, женских писем в десантном рюкзаке не наблюдалось ни в одном из 112 карманчиков, а ветру в нем стало бы тесно из-за бутербродов. Ох уж эти бутеры... Ленечка вытаскивал их по одному после каждой пары – большой кусок вареной колбасы поверх сдобной булки – и перекусывал, оставляя на мятой салфетке созвездие из кружочков выковырянного жира.

А как насчет неопрятных сальных волос, собранных сзади козлиным хвостиком и подвязанных неизменной грязно-серой банданой! Одного взгляда на его прическу достаточно,

чтобы самый искренний человеколюб на время почувствовал себя мизантропом.

Впрочем, как раз сегодня он, кажется, волосы против обыкновения вымыл, а бандану то ли сменил, то ли вывернул наизнанку, отчего ее внешний вид несколько посвежел, но разве это меняет дело?

И разве дает ему право, чтобы нагло заявлять на всю ресторанцию, мол, ты мне нужна? Да так громко, что все присутствующие разом вывернули шеи в направлении их столика, а два бизнес-боя, сидящие у стены, перестали ковырять вилками в своих бизнес-ланчах, обменялись настороженными взглядами и синхронными жестами ущипнули себя за мочку левого уха, как если бы сомневались в реальности происходящего.

– А ты мне – нет, – равнодушно ответила она.

– Нет, ты погоди, дослушай, – залебезил ее визави. – Ты нужна мне, но не для того, о чем ты подумала. То есть... Неважно! А в целях эксперимента.

– Эксперимент по клонированию клоунов?

Ленечка сделал глубокий вдох, медленный выдох и взял себя в руки. Со стороны это выглядело так: сардельки пальцев легли на край стола, поросячьи глазки подернулись припухлостью век, а голова на толстой шее по самый подбородок утонула в рыхлой сдобе плеч.

– Как показывает опыт, – заметил Ленечка, – ты скорее начнешь воспринимать меня всерьез, если дать тебе пару ми-

нут спокойно позлобствовать. Так что я, с твоего разрешения, помолчу некоторое время. Скажем, до прихода гномов.

«Ну, чего глазенки вылупил, интриган? – послушно начиная злобствовать про себя, подумала Лариса. – Ждешь, небось, что я сейчас всплесну руками и заору благим матом. „Ах, Ленечка! Каких таких гномов?“ Ну жди, жди, дождешься... дырки от контрацептива! Крошечного окошка в мир для никчемных уродцев вроде тебя...»

Не дождавшись от нее реакции, Ленечка с нарочитым спокойствием поднял со скатерти отложенную на время важного признания вилку и принялся клевать спагетти из тарелки.

Его вид напомнил Ларисе эпизод с посещением Большого. Ходили, если не врет короткая девичья память, на «Щелкунчика» – Лариса, пара ее подруг и Ленечка, компанию которого пришлось терпеливо сносить, поскольку именно он неожиданно расщедрился на целых четыре билета. В антракте новоявленный меценат прикинул что-то в уме, задумчиво скосив глаза на многотонность хрустальной люстры (до которой, к слову сказать, с четвертого яруса было рукой подать) и пригласил всех троих в буфет. Но пока отстаивали длинную очередь, пока зануда-Ленечка последовательно опрашивал каждую из девушек: «Тебе шампанское? И тебе шампанское? А тебе эклер или корзиночку?», звонок возвестил о начале второго действия. Лариса вслед за подругами, позабыв о нетронутых бокалах и пирожных, поспешила в зал, но на ходу обернулась. Чтобы увидеть, как Ленечка, сгорбившись

над одноногим столиком, торопливо набивает рот оплаченными сладостями.

Интересно, подумала Лариса, если я сейчас встану и уйду, он бросится за мной? Или сперва доест спагетти и хлебом подберет с тарелки кисло-сладкий соус?

Закончив наматывать бикфордов шнур спагеттины на вилку, Ленечка снова поднял на нее глаза и объявил:

– А вот и наши меньшие братья.

Лариса непроизвольно посмотрела в сторону входа поверх его плеча.

Сначала все было тихо. Потом входная дверь медленно приоткрылась, спустя несколько секунд закрылась, и сразу стало громко и странно, ведь никто, насколько могла видеть Лариса, так и не вошел внутрь. Возникли одни голоса – карикатурные, как у телепузиков, надышавшихся гелием, – но не их обладатели.

Не сразу Лариса сообразила, что вошедших закрывает от нее сутулая ленечкина спина. Они просто оказались гораздо ниже, чем имело смысл ожидать. Ей пришлось привстать с диванчика и вытянуть шею, чтобы увидеть.

Они ввалились в обеденный зал гомонящей гурьбой, хоча и обсуждая что-то взахлеб, совсем как дети. Они и выглядели соответственно – маленькая женщина с эскортом их трех маленьких мужчин. Настоящие гномы! Правда, без колпачков на головах и прочей атрибутики с иллюстрации к сказке о Белоснежке, а в нормальных костюмах, только сши-

тых как будто на школьников. Потребовали:

– Трактирщик! Котел похлебки и восемь тарелок!

– Нет, десять тарелок, я сегодня голоден, как карликовый слон!

– Как слонообразный карлик!

– Э-э, куда такие глубокие! Или ты хочешь, чтобы мы в них утонули?

– Мелкие неси! Шестнадцать тарелок!

– Гулять так, гулять! Двадцать!

И их голоса рассыпались по помещению хрустальными шариками смешков. В каждом шарике ощущалась маленькая трещинка.

Столик лилипуты облюбовали самый широкий и длинный. Сказались, вероятно, внутренние комплексы.

Молниеносно возник официант со стопкой тарелок и алюминиевым котелком, которому, строго говоря, было не место в этом недешевом и стильном заведении. Судя по тому, как покачивался котелок на проволочной ручке, небрежно накинутой на указательный палец официанта, никакой похлебки в нем быть не могло. А по скорости выполнения заказа Лариса определила, что малоросликов здесь ждали. И не только Ленечка.

– Зря, – скупно обронил Барсуков, кстати, так ни разу и не обернувшийся, чтобы посмотреть на новых посетителей. У него был голос пророка, который все знает, но ленится тратить силы на предзнаменования и пророчества.

– Что зря? – спросила Лариса. Понимала, что своим вопросом играет ему на руку, послушно вставляет нужные реплики в пока не ясный ей сценарий, и все же не выдержала, спросила.

– Последние четыре тарелки – лишние, – невнятно пояснил «мистер загадочность».

– Але! – воскликнула женщина-карл за его спиной.

– Оп! – откликнулись мужчины.

Лилипуты ловко, почти виртуозно запрыгнули на стол, одновременно на все четыре угла. «И куда только смотрит начальство?» – с интересом подумала Лариса. Но начальство в лице метрдотеля смотрело туда же, куда и все, молча прислонившись к стене и скрестив на груди руки, причем смотрело с явным одобрением.

Под следующий «Але... Оп!» лилипуты синхронно сделали «колесо» против часовой стрелки, поменялись местами и принялись жонглировать тарелками. Они жонглировали то каждый за себя, то парами, а иногда в игру вступали все четверо и столовые приборы начинали порхать под сводом зала заблудившейся стайей белых голубей.

– Что ты там болтал про лишние тарелки? – рассеянно спросила замороженная представлением Лариса.

– Погоди, еще тринадцать секунд. – Ленечка стал демонстративно загибать пальцы, монотонно считая вслух. – И-раз, и-два...

Настольные акробаты проследили, чтобы ни одна тарел-

ка не осталась висеть в воздухе, затем мужская их часть спрыгнула на пол и рассредоточилась по залу. Оставшаяся в одиночестве женщина надела на голову котелок, пристроив проволочную ручку под подбородком. Сделала два нарочито неуверенных шага вслепую и остановилась в центре стола.

– ...и-четыре, и-пять...

Карлы, перебегая от столика к столику и прячась за спинами мирно жующих посетителей, принялись швырять тарелки своей коллеге, а та ловко прерывала их полет, ориентируясь, по-видимому, исключительно на слух, и раскладывала на столе вокруг себя.

– и-девять, и-десять...

Круг из тарелок почти завершен, осталась сущая малость.

– ...и-одиннадцать... – упрямо продолжал считать Ленечка.

Последнюю «и», ту, что шла после «двенадцати», он несколько затянул.

– Але! – донесся из-под котелка приглушенный голос женщины. Трое ассистентов, расположившихся по разные стороны и на разном расстоянии от нее, изготовились к последнему, одновременному броску.

– ...и-и-и...

Либо ему не хватит дыхания, подумала Лариса, либо он перейдет на детский счет. Типа, двенадцать с половиной, потом с четвертью, с ниточкой, с иголочкой, потом ниточка порвется, а иголочка...

– ...тринадцать! – триумфально выдохнул Барсуков под звуки бьющегося фаянса.

Вместо очередного «Оп» раздалось несколько досадливых «Упс!» Жонглерша, вероятно, на пару секунд оглушенная собственным криком, не сумела поймать ни одну из тарелок.

– Ты, кажется, сказал четыре? А разбилось только три, – заметила Лариса, стараясь, чтобы голос ее звучал равнодушно. Но вышло как у того софиста, который первым сказал, мол, «слово изреченное есть ложь». Пока произносила фразу, вроде было правдой, но едва закончила, как лилипутка сделала неловкий шаг назад и еще одна тарелка хрустнула у нее под ногой.

Метрдотель галантно подал руку и помог расстроенной артистке сойти со сцены. Около усыпанного осколками стола откуда-то возникли двое работников совка и щетки, молчаливые, как роботы-уборщики. Спустя минуту ничто уже не напоминало о недавнем инциденте.

– Они что, каждый вечер устраивают такое шоу? – спросила Лариса, пряча любопытный взгляд за хрустальными стенками фужера.

– Нет, – ответил Ленечка. – Насколько мне известно, местный массовик-затейник пригласил их в первый раз. И, думаю, в последний.

– А откуда тогда... А-а, они – твои знакомые! – догадалась она.

– Не совсем, – ответила эта в высшей степени загадочная личность. И снизошла до пояснений: – То есть, я их знаю довольно хорошо, а вот они уверены, что видят меня впервые.

– Ты так часто бываешь здесь? – спросила Лариса, больше не скрывая удивления. Слишком уж посещение подобных заведений было не в стиле Ленечки. Строго говоря, еще недавно она вообще сомневалась в наличии у него какого-либо стиля.

– В последнее время – слишком часто.

– В смысле?

– Подожди немножко, – по-детски попросил Ленечка. Маска фальшивого апломба сползла с его лица, теперь оно приобрело выражение искреннее и наивное. – Ты пока еще не готова поверить мне на слово. Смотри, вот сейчас с улицы зайдут два вьетнамских студента, но бдительный швейцар не пустит их дальше входной двери. Видишь?.. И-шестьдесят три, и-шестьдесят четыре... А теперь отец семейства через три столика от нас громко возмутится, обнаружив в своей тарелке монету... – Неподалеку раздался грозный окрик: «Официант!!!» – Но потом распознает в монете евро-полтинник и передумает устраивать скандал. – «Нет, нет, спасибо, ничего...» – И-восемьдесят девять, и... А та роскошная блондинка на диванчике у стены неудачно прикурит сигарету, и у нее загорятся волосы...

– А?..

– Не волнуйся, это парик. Видишь?..

И тут она – в первый, пожалуй, раз за время их вынужденного знакомства – сама дотронулась до его руки, потому что неожиданно разучилась пользоваться словами, которые метались в голове как тарелки в руках жонглеров, но никак не могли сорваться с губ. Она только смотрела на него, и в глазах ее было написано немое:

– ???

– Хочешь спросить, откуда я все это знаю?

Молчаливый кивок.

– Дело в том, – сказал Ленечка, – что последние полгода я постоянно живу в одном и том же дне. В сегодняшнем.

– Не въехала... – призналась она. – А вчера? Я же видела тебя вчера!

– В это не так просто въехать, – согласился он. – Как я обычно добавляю, никакого бензина не хватит. Молодой человек! Не слышит... Эй, Саша! Александр Леонидович Тарасов, уроженец города Сегежа, республика Карелия, 1983-го года рождения! Уже лучше... Можно еще вина?

– Простите, а мы разве знакомы?

– Вы не поверите, если я скажу, в который раз вы меня об этом спрашиваете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.